

РОМАН - ДРАЙВ

КОГАН

ТАТЬЯНА

КЛУБ
для
ИЗБРАННЫХ

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К57

Разработка серии *С. Курбатова*

Коган, Татьяна Васильевна.

К57 Клуб для избранных / Татьяна Коган. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с.— (Роман-драйв).

ISBN 978-5-699-98618-7

В отличие от большинства пациентов, Леся находилась в психиатрической клинике по доброй воле. Когда ей немного подлечат нервы, она вернется к обычной жизни... В день ее рождения сотрудник отца Виктор, давно оказывавший Лесе знаки внимания, на денек забрал ее из больницы и сделал предложение. Леся приняла его — она не любила Виктора, но он был надежным человеком и по-настоящему заботился о ней. С ним ей будет хорошо... Почему только после того, как их в тот же день расписали и девушка вернулась в клинику, и Виктор, и отец перестали отвечать на ее звонки? А лечащий врач объявил о начале новой терапии, после которой Леся ничего не помнила, но обнаруживала на своем теле странные следы? Не понимая до конца, что она делает, девушка решила на побег...

**УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

© Коган Т.В., 2017

© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-98618-7

Из дневника В.

— **У**бей его! Ну же, детка! — Голос звенел в моей голове дребезжащей пилой, кромсал изнутри мой мозг. Я почти физически ощущала, как бьются о черепную коробку кровавые ошметки того, что я некогда считала здоровым смыслом и твердой волей. — Убей его, и все будет кончено. Ты же знаешь, как должна поступить. Ты же все знаешь. Ты ведь умница, а?

Разумеется, я умница. Всегда ею была. Иначе не оказалась бы сейчас здесь, с камнем в руке. Это был обычный булыжник, наполовину ушедший в землю. Я с усилием выковыряла его из почвы, сломав ноготь и порезавшись об острый край. И теперь сжимала его все сильнее и сильнее, наслаждаясь болью в сведенных судорогой пальцах. Я цеплялась за эту боль как за единственный спасительный ориентир, единственную возможность не утратить себя, сохранить то немногое от прежнего «я», что во мне еще оставалось. Или мне так хотелось думать? Может быть, я уже давно стала кем-то другим, но еще не успела с ним как следует познакомиться?

Скорчившийся на земле человек пошевелился, и я мгновенно ощутила, как прилила к лицу горячая, обжигающая кровь. Времени для размышлений не

оставалось. Человек был сильным, гораздо сильнее меня. Каждая секунда промедления означала угрозу для моей жизни. Я скользнула глазами по его мощной шее и остановила взгляд на затылке. Один быстрый удар. Собрать всю силу, замахнуться. Перестать думать и провалиться в черноту, чтобы мгновение спустя выпрыгнуть на новом уровне.

Я зажмурилась до рези в глазах, но снова широко распахнула их, отвела руку назад и резко впечатала булыжник в густые светлые волосы на его макушке.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Бостон, Массачусетс

Вечер был холодный и пасмурный. Промозглый ветер пронизывал до костей, низкое небо застилали рваные тучи, и Бостон казался серым и неприветливым.

Такси свернуло на улицу Чарльз, а потом на Ревере.

— У семьдесят второго номера, пожалуйста, — попросил водителя пассажир.

Машина проехала еще немного по залатанной разноцветным асфальтом мостовой и остановилась у длинного старого пятиэтажного дома с черными ставнями и нависающими над тротуаром декоративными металлическими балконами.

— Сколько с меня?

Майк Нолан достал из кармана две двадцатидолларовые банкноты и протянул таксисту. Затем взял большую спортивную сумку и вынырнул из теплого

салона в неуютную сырость улицы. Он какое-то время постоял, подняв воротник легкой куртки, слабо защищавшей от ледяных порывов, и шагнул по ступеням, ведущим к высокой подъездной двери.

Вставил ключ в замок — тот открылся не сразу, как и предупреждал Бобби. Майк приподнял ключ вверх прямо в скважине и толкнул чуть сильнее. Замок поддался, впустив его в неухоженную, пропахшую старостью прихожую. Снова ступени и вторая дверь, с замком которой следовало повернуть ту же нехитрую манипуляцию.

Узкая скрипучая лестница кособоко прижималась к стене. Деревянные ступени отзывались под ботинками, белая краска на перилах давно высохла и растрескалась. Майк поднялся на третий этаж.

Квартира была небольшая, нестандартной планировки. Сразу из прихожей начиналась пустая квадратная комната, за нею еще одна, поменьше, откуда широкая арка со стеклянной дверью вела в спальню. Из мебели здесь имелось только два стула и раскладной стол. На полу, экраном вниз, лежал плазменный телевизор. В углу спальни одиноко белел матрас и две подушки.

— Я квартиру купил давно, но пока не обустроился, — объяснил Бобби неделю назад, вручая Майку ключи. — Но перекантоваться какое-то время подойдет. Холодильник, микроволновка — все есть. До магазина продуктового, правда, далеко, но, думаю, ты разберешься.

С Бобби они не то чтобы дружили — скорее поддерживали приятельские отношения в память о детстве. Долгое время они жили на одной улице, где помимо них двоих — так сложилось — больше не было

ни одного их ровесника. Вместе ходили в школу, вместе играли после уроков. Не то чтобы им было жутко интересно друг с другом, но отсутствие альтернативы сблизит кого угодно. После школы их дороги разошлись: всезнайка Бобби поступил в университет на какую-то шибко модную специальность — риск-менеджмент или что-то в этом роде, а Майк пошел в армию по контракту. Они иногда пересекались, когда приезжали навестить родителей в их маленький одноэтажный пригород, рассказывали новости, делились планами. У Бобби всегда имелись планы. Он был амбициозным парнем. Все просчитывал, раскладывал по полочкам.

— Меня уже пригласили на работу две крупные компании, так что сразу после учебы меня ждет теплое местечко. Поработаю усердно пару лет, потихоньку буду откладывать, инвестировать в высокие технологии — это сейчас особенно актуально наряду с фармацевтикой. Потом пойду на повышение. Еще через пару лет куплю квартиру или дом, потом озабочусь поисками жены...

Бобби всегда горел энтузиазмом и со стороны мог показаться оторванным от реальности идеалистом в розовых очках. У него и внешность была подходящая: полный, румяный, щекастый, он напоминал веселого поросенка. Многие конкуренты недооценивали его способности, пойдя на поводу у первого впечатления. Большинство из них впоследствии сильно недоумевали, когда веселый поросенок проявлял волчью хватку и наступал им на горло.

— А ты как, а? Останешься в армии? Или есть другие идеи, а? — обычно спрашивал Бобби, весь вечер

потягивая одну несчастную порцию виски за стойкой бара.

Идей у Майка никаких не имелось, но он маскировал их отсутствие общими фразами, лишь бы не видеть наполовину удивленный, наполовину сочувствующий взгляд товарища. Наверное, он в чем-то завидовал Бобби. Этой его уверенности в выбранном пути, отсутствию колебаний. Приятель знал, чего хочет, и двигался в правильном направлении, добиваясь намеченных целей. Его жизнь, подобно учебнику математики, имела все необходимые формулы, решения и ответы. Свою же собственную судьбу Майк сравнивал с вырванной страницей из длинного эссе по философии: мыслей много, но ни одной внятной. И вообще непонятно, с чего все началось и к чему приведет.

Служба в армии не была его мечтой, хотя определенные прелести в ней присутствовали. Например, плотный график, порой доводящий до полного физического изнеможения. Существовать намного проще, когда все твои желания сводятся к одному: выспаться по-нормальному. На изматывающую рефлекссию нет ни времени, ни сил — именно это ему и требовалось. Не размышлять, не думать о жизни. Не чувствовать собственную никчемность.

Да, на службе он не летал от счастья, но и не горевал — это уж точно. А потом его оттуда поперли. И все стало гораздо хуже.

Крохотная кухонька располагалась слева от входной двери. Майк достал из шкафа стакан, налил из-под крана воды и жадно выпил. Вытянутое оконце выходило в образованный четырьмя стенами коло-

дец. Соседние дома прилегали друг к другу почти вплотную. На выступающем козырьке над окном напротив, этажом ниже, валялись какие-то тряпки и осколки стекла. По серой бетонной стене поднималась ржавая пожарная лестница и исчезала где-то за высоким сплошным забором, ограждавшим соседскую крышу. Такой забор скорее подходил для закрытой фермы, где перевоспитывают нарушивших закон тинейджеров...

Майк посмотрел на часы — без четверти восемь. Бобби обмолвился, что Интернет в квартиру пока не провел, так что «сам придумай, чем себя развлечь». Он хотел тогда сказать, что для развлечений требуются деньги, с которыми, мягко говоря, напряженка. Но, разумеется, не сказал. Майк не привык жаловаться. Его проблемы — это его проблемы, и ничьи больше.

Он зашел в ванную и долго изучал себя в зеркале. Викки, подружка, с которой они встречались почти два года и которая сбежала, когда у него начались трудности, говорила, что он похож на Колина Фаррела, хотя он сам, хоть ты тресни, не видел ничего общего. Майк пристальнее всмотрелся в свое отражение: коротко стриженные темные волосы, глаза невнятного, зеленовато-коричневого цвета, который Викки красиво называла *hazel* — ореховый. Прямые, лишённые изгиба брови, открытый лоб. Его можно было считать привлекательным, если бы не застывшее агрессивно-усталое выражение на лице.

Он по-быстрому принял душ и вернулся в комнату, достал из спортивной сумки чистое белье. Полет занял всего два часа, а он вспотел так, будто десятку

пробежал. Чертовы нервы. Раньше он так не волновался. И из-за чего? Из-за какой-то работы!

Майк переоделся, достал из куртки шоколадный батончик, к которым питал слабость. Пододвинул стул и сел у окна, уставившись в вечерние сумерки и задумчиво жуя. Окна спальни глядели на тихую улицу и дом из красного кирпича. В этом районе, носившем название Бикон Хилл, большинство зданий копировали одно другое. У Бобби отличный вкус на недвижимость — Бикон Хилл, возвышающийся над первым общественным парком страны и Капитолием штата, считается самым престижным районом города. Это излюбленное место политиков и общественных деятелей всех сортов.

— В соседнем доме живет Джон Керри, — говорил Бобби с гордостью, словно этот факт каким-то образом возвеличивал его самого. — Разумеется, не всегда, только когда приезжает в город. Вниз по улице сразу полицейский патруль ставят.

До сегодняшнего дня Майк навещался в Бостон лишь однажды, и то всего на пару дней. Если ему повезет, то он задержится здесь на год, а то и на два. Завтра у него собеседование, и он собирался произвести на работодателей максимально приятное впечатление.

Последний год ему здорово не везло, он перебивался временными подработками и почти впал в отчаяние. Бывшему военному несложно найти работу, но у Майка имелись «особые обстоятельства». Из-за этих обстоятельств его пинали отовсюду, как бродячего пса, не давая шансов показать себя с лучшей стороны. За последние три месяца его даже ни разу

не позвали на собеседование, отчего приглашение в Бостон выглядело настоящей удачей.

«Особые обстоятельства» потенциальных работодателей не смутили, первичное собеседование по телефону прошло успешно, и Майка попросили приехать лично. Упускать такой шанс он не собирался. Так что, если уж начистоту, волновался он по вполне понятным причинам. Вовсе не из-за «какой-то работы». А из-за работы, которая могла выдернуть его из затянувшейся черной полосы.

Уже совсем стемнело. В квартире было сыро и неуютно; оконные рамы дребезжали под напором ветра. Майк представил, как будет шататься по пустым комнатам до полуночи, не зная, чем себя занять, и поспешно рванул в коридор, накинул куртку и выбежал на улицу.

Местности он не знал, но, сидя в такси, успел приметить пару баров. Он повернул налево и бодро зашагал вниз с холма к ближайшему перекрестку.

Колокольчик над дверью громко звякнул, впуская в помещение нового посетителя. В пабе — маленьком и тесном, как беличье дупло, — пахло глинтвейном и специями. Несколько пар разместились за квадратными столиками вдоль стен, играла тихая музыка. Майк уселся неподалеку от барной стойки.

Красивые парень и девушка о чем-то оживленно говорили по-французски. Она — хрупкая, с волнистыми волосами до плеч, стильные очки на тонком прямом носу, яркий шарф вокруг шеи. Он — широкоплечий, в модном пиджаке, двигается медленно и будто небрежно. Перед ними стояли две большие

тарелки с чем-то невысказанно ароматным. Майк невольно втянул носом аппетитный запах и почувствовал, как желудок скрутило от голода.

Он изучил меню, выбрал стейк с гарниром и попросил воды. Все сложится хорошо. Майк не верил во вселенскую справедливость, благодаря которой неудачнику однажды воздастся, но знал, что не может человеку постоянно не везти. Хотя бы по закону случайностей, рано или поздно с ним обязательно произойдет что-то хорошее. Логично?

Паб располагался в цокольном этаже, в узких длинных оконцах над потолком мельтешили ноги шагавших мимо прохожих. Несмотря на не располагающую к прогулкам погоду, по улице сновало полно народу. Иногда кто-то останавливался напротив и с любопытством изучал обстановку в светящемся окне паба, будто решая — заглянуть внутрь или продолжить поиски. Иногда Майк ловил их смущенные взгляды — зрители тушевались, словно застигнутые за чем-то постыдным, и торопливо двигались дальше.

Когда принесли стейк, на десять минут Нолан забыл обо всем на свете, наслаждаясь умело приготовленным, поджаренным до румяной корочки мясом. И даже беспокойство о завтрашней встрече с работодателем потускнело, отступило на задний план. Ни одна драма не выдерживает конкуренции с поданной вовремя пищей! Настроение заметно улучшилось, и Майк впервые за последние месяцы ощутил прилив неподдельного оптимизма. В самом деле, с чего бы ему, молодому и здоровому парню, пенять на судьбу? Неприятности случаются с каждым, важно с достоинством их пережить.

Привлекательная молоденькая официантка у стойки многозначительно улыбалась. Со всем как Викки, когда они впервые встретились. Только Викки вела себя наглее и паялилась на него так бесцеремонно, словно оплатила приват-стриптизера — хотя именно она в тот вечер танцевала у шеста.

Он жестом попросил официантку принести счет. Достал из бумажника карточку, сунул в книжку.

Викки вообще смотрела на людей так, будто все они ей должны.

— Простите, транзакция отклонена, — извиняющимся тоном промямлила официантка, отдавая ему карточку.

Настроение мгновенно испортилось. Майк достал другую:

— Попробуйте эту.

Он напряженно замер, ожидая, что и вторая кредитка не сработает. К счастью, аппарат пискнул, подтверждая успешную операцию. Официантка оторвала чек:

— Надеемся снова вас увидеть!

Сам же Майк надеялся на то, что скоро ему не придется гадать каждый раз, хватит ли средств на счету, когда он решит поужинать.

На улице стало еще холоднее. Ветер все не стихал, норовя пробраться под одежду, свистел и метался по узким улочкам Бикон Хилл. В синеющих сумерках мощенные красным кирпичом тротуары сливались с красным кирпичом зданий, октаэдры старинных фонарей источали в пространство рассеянное сияние, придавая окружающей обстановке загадочный, почти мистический вид.

Зазевавшийся пешеход задел Майка плечом и долго рассыпался в извинениях.

— Все в порядке, — отмахнулся он и ускорил шаг.

Викки подошла к нему первой. Вынула из держателя салфетку и написала свой номер. Майку такое внимание польстило, тем более что девчонка была яркая: короткие черные волосы, длинная шея, стройная фигурка. И глаза — нереально зеленые, вполлица. Он и не понял сперва, что это линзы.

— Позвонишь, когда будет желание повеселиться, — без прелюдий сообщила Викки.

Майк достал мобильный и тут же позвонил ей. Она ответила.

— У меня есть желание повеселиться. Когда заканчивается твоя смена? — спросил он в трубку, глядя на Викки в упор.

Не говоря ни слова, девушка повернулась к нему спиной, подошла к управляющему клубом и что-то прошептала ему на ухо. Тот скривился и неохотно кивнул.

Викки вернулась к столу, где сидел Майк:

— Моя смена уже закончилась.

Он поднялся повзбегающей на холм Ревере-стрит, долго колупался с замком — ключ никак не хотел поворачиваться. В квартире висела унылая тишина, которая бывает лишь в необжитых или покинутых помещениях. Майк умылся, сбросил кроссовки и, не раздеваясь, повалился на матрас. Какое-то время он лежал, заложив руки за голову и бессмысленно глядя в потолок, потом вспомнил, что не завел будильник. В прихожей он достал телефон из кармана куртки, вместе с ним оттуда выпал сложенный вдвое белый конверт.